

УДК 902.2(47.24+470.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-734-5/2020.NHB.09

Т. Н. Курочкина

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ НОВГОРОДА (1930–1950-е гг.)

Аннотация. На основе архивных документов автор статьи показывает, что первый этап археологических исследований в Новгороде (1932–1948 гг.) являлся частью комплексной деятельности по сохранению, изучению и развитию Новгорода в качестве города-музея.

Ключевые слова: Новгород, археологические исследования, город-музей, Государственная Академия истории материальной культуры, А. В. Арциховский, М. К. Каргер, Б. А. Рыбаков, А. В. Щусев.

Abstract. On the basis of archival documents, the author of the article shows that the first stage of archaeological research in Novgorod (1932–1948) was part of a comprehensive activity for the preservation, study and development of Novgorod as a city-museum.

Keywords: Novgorod, archaeological research, city-museum, State Academy of the History of Material Culture, A. V. Artsikhovsky, M. K. Karger, B. A. Rybakov, A. V. Shchusev.

Планомерное археологическое изучение Новгорода ведет свое начало с 1932 г., когда были осуществлены первые научные раскопки под руководством Артемия Владимировича Арциховского в южной части Славенского конца. Но истоки новгородской археологии, первые опыты исследования памятников Новгорода и его окрестностей и шаги по их сохранению относятся к более раннему периоду.

В годы Первой мировой войны внимание научной общественности было привлечено к строительству участка железной дороги Петроград – Орёл в южных окрестностях Новгорода. Прокладка путей представляла опасность для сохранности церкви Спаса на Нередице и Андрея Юродивого на Ситке; в ходе строительства были разрушены погребальные памятники Нередицкого холма, причинен ущерб культурному и природному ландшафту.

В этой связи развернулось активное обсуждение проблем охраны новгородских древностей как в печати, так и на государственном уровне. Летом-осенью 1916 г. были созданы Особое совещание под куратор-

ством великой княгини Марии Павловны и Комиссия Императорской академии художеств под председательством искусствоведа, академика Н. П. Кондакова (СПФ АРАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 126. Л. 2, 4 об. –5). Императорская Археологическая комиссия – государственное учреждение, ведавшее вопросами изучения и охраны археологического и архитектурного наследия – организовала ведение археологических наблюдений на участках строительства (Медведева, 2013. С. 343–349). Петербургская академия наук, испытывая глубокую тревогу за судьбу памятников Новгорода, письменно обратилась к императору Николаю II. Как сообщил секретарь Академии С. Ф. Ольденбург, в данном документе, в частности, говорилось, что Новгород являет собой «цельный исторический памятник» и Академия «надеется на наступление времени, когда можно будет заняться систематическим рассмотрением новгородской старины путем раскопок, а потому требующей осторожности и охраны» (Маркина, 2000. С. 347).

Чуть ранее, весной 1916 г., впервые была озвучена идея «Новгород – город-музей» (Моисеев, 2012. С. 12, 175). На заседании Новгородского церковно-археологического общества Н. П. Кондаков информировал собравшихся о том, что современное общество осознало «<...> желательность объявления государством известных церквей, монастырей и даже целых городов музеями. Желательно, чтобы Россия сделала это по отношению к Новгороду» (В Церковно-археологическом обществе, 1916. С. 994, 995).

Идея создания городов-музеев, несмотря на сложное экономическое положение страны, получила развитие в первые годы советской власти. Мнения о музеефикации Новгорода, Пскова, Казани, Ярославля, Ростова Великого, Углича, Тутаева публиковались в 1921 г. на страницах «Казанского музейного вестника» (Каулен, 2012. С. 229), говорилось и о необходимости археологического изучения Новгорода. В 1927 г. в Новгороде с докладом выступил выпускник отделения археологии ЛГУ, будущий сотрудник новгородского музея А. И. Семенов. Он утверждал, что в изучении исторического прошлого города наступит новый период – исследование подземного Новгорода, благодаря чему появится возможность создать «подлинную историю материальной культуры старого Новгорода» в противовес существующей, основанной преимущественно на церковных памятниках (Отчет Новгородского общества любителей древности, 1928. С. 8).

Обретать конкретные формы эти идеи начали в 1930-х гг., когда проблему комплексного сохранения российских городов, насыщенных памятниками культуры, стали связывать с проектами создания туристических центров, ориентированных, в том числе, и на прием иностранных граждан. В 1930-х гг. иностранный туризм поддерживался государством, он был не только частью внешнеторговой деятельности страны – источником накопления средств на индустриализацию, но и частью советской пропаганды. Концепция создания городов-музеев опиралась

на марксистскую идеологию и задачи культурной революции. «Бесспорным кандидатом на первое место» среди них являлся Новгород (Каргер, 1931. С. 53). Научным сотрудником Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) Михаилом Константиновичем Каргером (рис. 1) был разработан проект организации города-музея в Новгороде. Проектом были предусмотрены законодательные и административные меры по сохранению культурного наследия, в том числе археологического. В частности, предполагалось создание охранных зон и заповедных территорий, на которых запрещалось ведение земляных и строительных работ. Южная часть новгородского кремля, Славенский холм, Городище, Перынский скит и Ярославово дворище должны были стать местом «обязательных» раскопок, а раскопки – частью плановых мероприятий по созданию города-музея. Организацию экскурсионного обслуживания интуристов должна была обеспечить экскурсионно-лекторская база Ленинградского областного отдела народного образования (ОПИ НМЗ. Ф. Р-12. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 5, 15). Разработку вопросов планирования и организации города-музея брала на себя ГАИМК.

Рис. 1. М. К. Каргер. 1940-е гг. НГМ КП 30131/1218

В марте 1931 г. Академия признала желательным начать археологические изыскания в Новгороде, но при этом сочла, что на текущий год следует ограничиться проведением разведывательных работ для составления детального перспективного плана. На финансирование

новгородской экспедиции предполагалось выделить чуть более 3 тысяч рублей, количество участников – 5 человек, сроки проведения работ – июнь-июль (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1931 г. Д. 772. Л. 10).

Каких-либо документов, подтверждающих, что летом 1931 г. в Новгороде проходили разведки, в Научном архиве ИИМК нам выявить не удалось, но в воспоминаниях сотрудника Новгородского музея С. М. Смирнова есть маленькая глава, посвященная раскопкам в Новгороде. Их начало он относит к 1929 г. и пишет, что в связи с отсутствием предварительного плана раскопки А. В. Арциховский начал на Торговой стороне, за валом, в Никольской слободе. «Месяц спустя он получил телеграмму о смерти отца и уехал в Москву. Раскопки прекратились...» (ОПИ НМЗ. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 22. Л. 177). Дата смерти В. М. Арциховского – 13 июня 1931 г.

В октябре 1931 г. ГАИМК вновь планирует на следующий год производство разведывательных работ в Новгороде (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 87. Л. 93) и принимает А. В. Арциховского нештатным членом Академии (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 14. Л. 1). В документах, направленных Академией в Госплан в марте 1932 г., уже значится конкретное место исследований – Славенский холм (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 87. Л. 6). Практически одновременно создается Московское отделение ГАИМК¹, в состав которого принимаются сотрудники Государственного исторического музея: А. В. Арциховский, в качестве действительного члена, и Б. А. Рыбаков, в качестве научного сотрудника второго разряда (РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 14. Л. 2).

Среди документальных материалов ГАИМК 1932 г., посвященных организации экспедиционной деятельности, сохранился достаточно обширный документ под названием «Новгород». В нем отмечено: «Значение изучения Новгорода как одного из крупнейших центров русской истории не требует особых доказательств. Организация в Новгороде города-музея также, безусловно, способствует, а с другой стороны, неотложно требует планомерных раскопочных работ». Академией были запланированы следующие «центры раскопочной работы» в Новгороде:

- Славенский холм (неотложный характер);
- Городище;
- Детинец (южная часть от здания Присутственных мест);
- Перынский скит (раскопки необходимы в связи с застройкой местности);
- Ярославово Дворище;
- Ремесленные поселки:

¹ В апреле 1929 г. Московская секция ГАИМК прекратила свое существование в связи с реорганизацией Академии. В марте 1932 г. было создано Московское отделение ГАИМК.

а) Плотницкий конец (территория сада по М. Михайловской ул.);
в) Гончарный конец (территория с севера и северо-востока от ц. Власия);

в) Кожевницкий (Неревский) конец;

– Пустыри, примыкающие к валу (между Тихвинской и Дмитриевской ул.);

– Пустыри между разобранной ц. Лазаря и ц. Петра и Павла в Кожевниках;

– Боярский двор (т. н. Марфы Посадницы, продолжение обследований 1931 г.) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 87. Л. 55–56 об.).

«Неотложный характер» раскопок на Славне был продиктован озабоченностью фактом расширения «без всякого археологического обследования» территории городской водопроводной и электрической станции, «уже безвозвратно погубивших большую часть территории Славенского холма» и грозящих гибелью остальному участку (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 87. Л. 55–56 об.).

Исследования 1932 г. в Новгороде выполняла организованная совместно с ГАИМК, Государственным историческим музеем (ГИМ) и Новгородским музеем экспедиция под руководством А. В. Арциховского (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 87. Л. 6). ГИМ в конце 1920 – начале 1930-х гг. работал над созданием экспозиции, посвященной феодальному Новгороду, и был заинтересован в получении новых материалов. В 1929–1930 гг. Государственным историческим музеем уже были проведены полевые исследования на Новгородской земле (раскопки курганов в с. Хреплё, Рюрикова городища и Курского городища) под руководством А. В. Арциховского. Таким образом, к 1932 г. Артемий Владимирович уже имел опыт успешной экспедиционной работы на Новгородской земле.

Как известно, в первый состав Новгородской археологической экспедиции вошли: М. К. Каргер, Б. А. Рыбаков и студенты музейно-краеведческого отделения Ленинградского историко-лингвистического института А. Н. Рогачев, И. В. Щербаков (рис. 2), С. Н. Аносов, Н. Н. Гороховская, М. Н. Пожарская, а также выпускник этого вуза, сотрудник Новгородского музея В. С. Пономарев. Судьбы большинства участников первой Новгородской археологической экспедиции были связаны с Академией: А. В. Арциховский, М. К. Каргер, Б. А. Рыбаков, А. Н. Рогачев, И. В. Щербаков, С. Н. Аносов – все они в 1930-х были сотрудниками ГАИМК.

В августе 1932 г. при земляных работах на ул. Декабристов в г. Новгороде строители натолкнулись на средневековые мостовые. Это подвигло Новгородский музей также подключиться к археологическому изучению города: в зоне строительства были начаты раскопки под руководством сотрудника музея В. С. Пономарева. Раскопки имели задачей отыскать продолжение улицы, вскрытой строителями, и велись вне

пятна застройки. Через три недели после начала исследований ГАИМК направила М. К. Каргера в Новгород. По результатам изучения раскопок и отчетных материалов М. К. Каргер в конце октября отметил: «Нет сомнения, что раскопки представляют значительный интерес для ГАИМК. Перед нами уголок феодального города с постройками как жилого, так, по-видимому, и хозяйственного назначения» (ОПИ НМЗ. Ф. Р-12. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 1). В этой связи между ГАИМК и Новгородским музеем (НМ) наметилась линия на дальнейшее сотрудничество. Производство в Новгороде археологических наблюдений, а также раскопок силами Новгородского музея должно было стать важным дополнением к исследованиям А. В. Арциховского.

Рис. 2. Участники Новгородской археологической экспедиции: Б. А. Рыбаков, И. В. Щербаков, А. Н. Рогачев, А. В. Арциховский. Новгород, 1932 г.
НГМ КП-40227/1092

По результатам первого полноценного археологического сезона в Новгороде А. В. Арциховский и М. К. Каргер писали: «...Новгород может и должен стать местом больших стационарных раскопок, подобно античным городам юга СССР». В ближайшей перспективе они ставили задачу реконструкции каменной стены, открытой А. В. Арциховским, и

создания в Новгороде нескольких музейных кварталов древнего города (Арциховский, Каргер, 1933. С.64).

В течение предвоенного десятилетия, несмотря на потрясения, которые испытывали ГАИМК и Новгородский музей в связи с репрессиями сотрудников и руководителей, линия, направленная на изучение, сохранение и популяризацию культурного наследия в Новгороде, реализовывалась весьма четко.

В период с 1932 по 1940 г. в Новгороде и его ближайших окрестностях было проведено шестнадцать археологических и архитектурно-археологических экспедиций, краткие сведения о них приведены в таблице.

Основные археологические и архитектурно-археологические экспедиции 1932–1940 гг.

Год	Место исследований	Организации-участники	Руководитель исследований
1932	Славно	ГАИМК и ГИМ	А. В. Арциховский, М. К. Каргер
1932	на Борковой (Холопейей) ул.	НМ и краеведческие организации	В. С. Пономарев, М. К. Каргер – консультант
1933	Юрьев монастырь	ГАИМК и НМ	М. К. Каргер
1934	Славно	ГАИМК и ГИМ	А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков
1934	Городище, ц. Спаса на Ковалева	ГАИМК	М. К. Каргер
1935	Городище	ГАИМК и НМ	Г. П. Гроздилов
1935	Юрьев монастырь	НМ	М. К. Каргер
1936	Славно	ГАИМК и ГИМ	А. В. Арциховский
1937	Ярославово Дворище	УНГМ	А. А. Строков
1937	Славно	ИИМК ² , ГИМ и МГУ	А. В. Арциховский
1938	Ярославово Дворище	ИИМК, ГИМ и МГУ	А. В. Арциховский
1938	Кремль	УНГМ	А. А. Строков
1939	Ярославово Дворище	ИИМК, ГИМ и МГУ	А. В. Арциховский
1939	Кремль	НС ИИ АН СССР, УНГМ	А. А. Строков
1940	Кремль	НС ИИ АН СССР, УНГМ	А. А. Строков
1940	Ярославово Дворище	НС ИИ АН СССР, УНГМ	А. А. Строков

² В 1937 г. ГАИМК была передана в состав Академии наук СССР и стала именоваться Институтом истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР.

Большая часть исследований велась под эгидой академической науки путем консолидации сил с ГИМ и Новгородским музеем. С 1937 г. к исследованиям в Новгороде присоединился МГУ и МГПИ (рис. 3, 3-1). Изыскания, проводившиеся под руководством директора Управления Новгородских государственных музеев (УНГМ) А. А. Строкова³ с 1939 г., осуществлялись в рамках научной деятельности Новгородской секции Института истории АН СССР.

Рис. 3. Участники Новгородской археологической экспедиции. Новгород, 1937 г. АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 49. Л. 4

С 1933 г. Академия планировала организовать ведение систематических археологических наблюдений в Новгороде силами сотрудника Новгородского музея В. С. Пономарева. Однако аресты сотрудников музеев, произошедшие зимой 1933 г. в связи с обвинением в контрреволюционной деятельности, отодвинули реализацию этого намерения: этот вид археологических работ удалось начать с 1935 г.

³ А. А. Строков – в 1935 г. назначен директором Управления новгородских государственных музеев. В. Ф. Зыбковец-Антрошенко с марта 1935 г. – директор Лужского районного музея, с сентября 1935 г. – Псковского государственного музея. В 1937 г. В. Ф. Зыбковец-Антрошенко репрессирован.

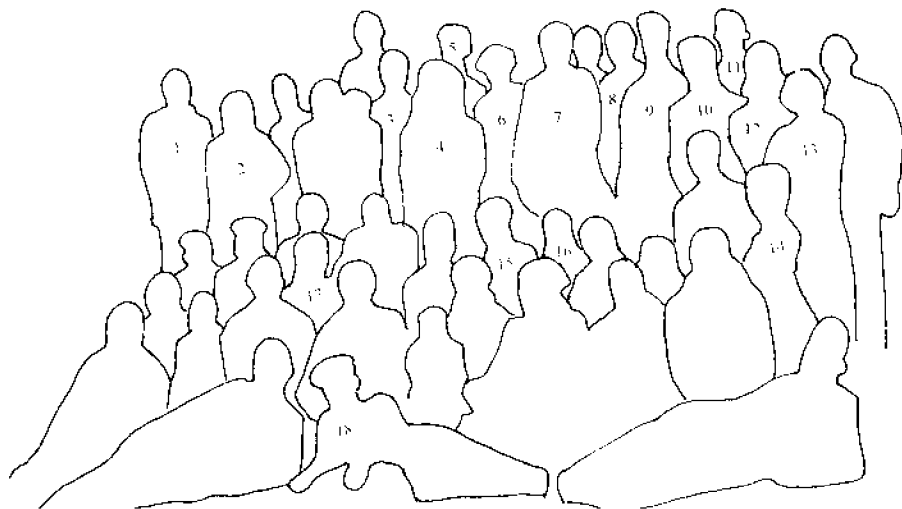

Рис. 3-1. 1. А. Р. Корсунский (МГПИ), 2. С. А. Тараканова, 3. М. А. Гинзбург (МГУ), 4. К. Я. Хинткирия (МГУ), 5. М. Г. Рабинович (МГУ), 6. А. Е. Алихова (ГИМ), 7. А. В. Арциховский (МО ГАИМК, МГУ), 8. Е. Н. Вантурин (Новгородский водопровод), 9. Х. А. Рубштейн (МГПИ), 10. К. В. Виноградов (МГПИ), 11. Е. С. Драбкин (МГПИ), 12. С. В. Романовская (ГИМ), 13. Н. С. Кравченко (МГУ), 14. В. К. Гандурина (МГУ), 15. И. Г. Ерёмин (МГУ), 16. П. И. Засурцев (МГПИ), 17. А. Б. Осповат (МГУ), 18. И. В. Лазарев (МГУ)

В 1934 г., когда состав сотрудников Новгородского музея истощился вследствие арестов и судебных процессов, ГАИМК поддержала музей в кадровом отношении. В течение нескольких лет М. К. Каргер выполнял функции ученого консультанта, а летом 1934 г. на него были возложены обязанности заместителя директора Новгородского музея.

В сентябре 1934 г. на должность директора Новгородского музея был направлен В. Ф. Зыбковец-Антрошенко, до этого исполнявший обязанности директора Института исторической технологии ГАИМК. В. Ф. Зыбковец-Антрошенко подготовил смету на реставрационные работы архитектурных памятников Новгорода. Первоначально предполагалось, что финансирование работ будет осуществляться за счет средств ВАО «Интурист». Однако ходатайства Ленинградского облисполкома в этом направлении положительного результата не дали. В 1935 г. официальная просьба об отпуске средств на реставрацию памятников Новгорода за подписью председателя Ленинградского облисполкома П. И. Струппе, директора Всероссийской академии художеств И. И. Бродского и заместителя председателя ГАИМК В. Ф. Кипарисова была направлена в СНК РСФСР (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 8. Д. 438. Л. 12). Во второй половине 1930-х гг. в Новгороде велись активные реставрационные работы памятников архитектуры, объем финансирования

которых из года в год возрастал. К 1941 г. реставрация была проведена почти по всем объектам (Ядрышников, 2017. С. 61–62).

Во второй половине 1930-х гг. ГАИМК прикрепила к Новгородскому музею научных консультантов: Б. Д. Грекова, А. П. Удаленкова и В. И. Равдоникаса (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 8. Д. 440. Л. 1). Несомненной заслугой этого периода стал подъем издательской деятельности. С 1936 г. начал издаваться Новгородский исторический сборник под редакцией Б. Д. Грекова; первые выпуски сборника выходили под грифом ГАИМК, последующие – Института истории АН СССР либо его Новгородской секции. В Новгороде начали проходить научные пленумы по вопросам истории города. В предвоенный период Новгород становится привлекательным для туристов и экскурсантов городом.

В марте 1941 г. в ИИМК поступило ходатайство от Московского отделения Института о выдаче А. В. Арциховскому Открытого листа на ведение раскопок в Псковском кремле. Из документа следует, что инициатором проведения этих изысканий выступил Псковский музей. Судя по переписке, прекращение А. В. Арциховским исследований в Новгороде у Института возражений не вызвало. Одним из условий для получения Открытого листа на исследования в Пскове со стороны ИИМК было требование, чтобы псковские исследования, подобно новгородским, стали многолетними (РО НА ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 1. Д. 847. Л. 61, 63–64). В мае 1941 г. А. В. Арциховский получил разрешение на изыскания в Пскове.

Полевой сезон 1941 г. в Новгороде был начат на двух участках: в кремле исследования велись под руководством заведующего Новгородской секцией Института истории АН СССР, директора УНГМА. А. Строкова, а в Неревском конце – под руководством нештатного сотрудника Новгородской секции, сотрудника Новгородского музея Б. К. Мантейфеля. Исследовательская работа была прервана Великой Отечественной войной: с 15 августа 1941 г. по 19 января 1944 г. город находился в оккупации.

В этот период археологические исследования в Новгороде попали в сферу интересов нацистской организации, занимавшейся конфискацией и вывозом культурных и научных ценностей с оккупированных территорий – Оперативного штаба рейхслайтера А. Розенберга. Доклад сотрудника штаба доктора Шпеера о результатах археологических исследований в Новгороде и «соответствующие планы» в январе 1943 г. были высланы археологу, ректору университета в Грайфсвальде К. Энгелю, который также являлся сотрудником данного штаба (ЦГАВОВУ Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 153. Л. 449). В 1944 г. ему же были направлены археологические материалы из Новгорода и непосредственный участник некоторых исследований, коллаборационист

В. С. Пономарев для описания раскопок (ЦГАВОВУ Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 138. Л. 724).

Боевые действия, период оккупации, а также длительное нахождение Новгорода в непосредственной близости от линии фронта нанесли городу невосполнимый ущерб. Новгород, освобожденный советскими войсками 20 января 1944 г., представлял страшную картину: жилой фонд города был разрушен на 98%, уничтожены транспортные пути, промышленные предприятия, коммуникации, социальная инфраструктура, сады и скверы. Более 70 памятников архитектуры оказались разрушены, некоторые – почти до основания.

По инициативе Б. Д. Грекова, возглавлявшего ИИМК и Институт истории АН СССР, в 1944 г. на страницах «Исторического журнала» вопрос о принципах восстановления «знаменитого города-музея» был вынесен на всеобщее обсуждение (Греков, 1944. С. 1). Ответом стала статья Н. Н. Воронина, опубликованная весной 1945 г. на страницах этого же журнала. В ней отмечалось, что для зодчих, работающих над проектами восстановления древнерусских городов, стоит задача сделать так, чтобы новая застройка «образовывала как бы фон, на котором ярче выступают творения мастеров древности». При планировке необходимо учитывать археологическое значение городов, сохранить незастроенными территории археологических заповедников, оберегать целость их культурных напластований. Строительство в городе должно вестись под постоянным надзором археологов (Воронин, 1945. С. 58–59).

В 1945 г. в Новгороде, на территории Софийского собора, в связи с его восстановлением начинаются археологические исследования под руководством аспиранта ИИМК А. Л. Монгайта. А. В. Арциховский возобновлять археологические раскопки в Новгороде не планировал; причины он объяснял в одном из писем 1944 г.: «Продолжать новгородские раскопки не собираюсь, и потому только, что мне слишком тяжело было бы увидеть разрушенный Новгород» (рис. 4). Из числа довоенных сотрудников Новгородской секции Института истории АН СССР в Новгород вернулся только Б. К. Мантейфель. Под его руководством Новгородский музей в 1946 г. возобновил археологические исследования на Ярославом Дворище.

В 1947 г. в Новгороде разворачивается новое строительство. Город восстанавливается по проекту академика А. В. Щусева как областной центр, город-музей. «Какой бы значительной не была его реконструкция, он должен оставаться самим собой, Новгородом, городом, имеющим определенный архитектурный облик...» – говорилось в пояснительной записке к генеральной схеме восстановления города (ГАНУ. Ф. Р-3383. Оп. 3. Д. 13. Л. 13).

14, XI, 44. Дядя (Владимир Степанович)! Я получил Ваше письмо от 2 ноября. Было рад узнать, что Вы живы, здоровы. Давно от Вас ничего не писал. Это и я последний раз Вам пишу, кажется, была (а раньше давал письма). Два месяца (с середины июля до середины сентября) я со студентами копал под Мехкой двором Царщина курганы. Вскрыли много отличные вятичские погребения. В середине сентября я ездил в Спаленек и осмотрел курганы в Трехово. Думаю после войны провести там большие раскопки в течение года лет. Продолжить исследования раскопки не собираюсь, и потому только, что мне слышатся тяжело было бы увидеть разрушенный Новгород. Я написал летом работу с новыми данными прикладного искусства, о немую работу по археологии Мехкой. Закачала в Университете идут теперь планы работ. Новый прием тоже это лучше прошлаго. Новостей и историй мало, новое кино нет, только, Урагу в Ташкенте. Отправил обязательного решения по вопросам исторической науки так и не было. Пресса охотнее раскопки (ранее южной) делал не было. В Петришкевом Музеи большая новость: там хотят выкопать древнейшей во Восточной Европе памятники культуры. Таманские сооружения, о которых 28 лет назад мечтали все центральные музеев. Там музей археологии прикладного искусства. Немецкие варвары разделили музей: се теперь будут реставрировать Петришкву пожелают и другие музеи. Об этом я писал Вам в письме от 14 ноября, Ваше письмо.

Рис. 4. Письмо А. В. Арциховского В. С. Бачманову. 14 ноября 1944 г.
НГМ КП-20937

В 1947 г. Президиум АН СССР постановил расширить археологическое изучение восстанавливаемых древнерусских городов и выделил специальные средства на раскопки в Новгороде и Пскове (Греков, 1949. С. 4). А. В. Щусев стремился максимально сопроводить реконструкцию города охранными археологическими исследованиями: места строительства – раскопками, прокладку коммуникаций – наблюдениями (рис. 5).

Два года, 1947 и 1948, стали временем интенсивных археологических исследований в Новгороде. Работы проходили на Ярославом Дворище, в Софийском соборе, на городском валу, в Неревском конце, Чудинцевской улице, Никольском переулке, Перыни силами ИИМК, МГУ, ГИМ, Академии архитектуры СССР (А. В. Арциховский, А. Л. Монгайт) и Новгородского музея (Б. К. Мантейфель). Раскопки имели как научный, так и охранный характер. В 1949–1950 гг. археологические раскопки в Новгороде не проводила ни одна организация. Очевидно, что в этот период на возможность проведения исследований повлияли следующие события.

№ 13

РУКОВОДИТЕЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР в г. НОВГОРОДЕ

Проф. АРЦИХОВСКОМУ

Прошу Вас при производстве работ Экспедиции в Новгороде учесть следующие указания, связанные с восстановлением города по разработанному мною проекту:

1. Производимые Вами раскопки в первую очередь должны полностью обеспечить исследование и изучение всех районов, намеченных проектом под строительство.

2. В текущем 1947 году работы должны охватить все участки строительства первой очереди и в особенности те из них, на которых уже ведутся строительные работы. Кроме того необходимо обеспечить постоянным наблюдением все земляные работы, связанные со строительством и подземным хозяйством города.

3. В связи с производимыми Реставрационной мастерской и Академией Архитектуры исследованием Софийского собора прошу Вас принять на себя выполнение археологических раскопок в соборе по утвержденному Ученым Советом Комитета по делам Архитектуры при АН СССР - плану.

*Точка работ на катедрали приходить
вместе с системой раскопок*
Академик

С. В. Щусев

1 июля 1947 г.

12 июля 1947 г.

г. Новгород.

Рис. 5. Письмо А. В. Щусева А. В. Арциховскому о проведении археологических исследований в Новгороде. 12 июля 1947 г. АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

Августовской сессией ВАСХНИЛ 1948 г. в научных кругах была поднята очередная волна репрессий и кадровых чисток. В гуманитарных науках объектами нападков стали А. В. Арциховский, как ученый и автор учебника «Введение в археологию», обвиненный в аполитичности, безыдейности и формализме, а также Н. Н. Воронин, которому ставилось в вину «реакционное любование стариной» (Альмов, 2009. С. 15; Рабинович, 2005. С. 258–261). В ходе дискуссий на заседаниях

Ученого совета ИИМК Московскому отделению Института, а равно и А. В. Арциховскому, удалось отстоять свои позиции в науке. Тем не менее, ему пришлось начать коренную переработку учебника по археологии. Основной объем работы (сбор материала и написание нового текста) был выполнен А. В. Арциховским в 1949 – первой половине 1951 г. Это потребовало от него значительного напряжения сил и времени, и не могло не сказаться на ведении исследовательской деятельности. Вероятно, исследования на Ярославовом Дворище, рассчитанные на три года (1947–1949), были прерваны и по этой причине.

В Новгороде в это время по инициативе местных партийных властей произошла смена концепции восстановления города. Вместо ориентации на воссоздание Новгорода как города-музея было решено строить «социалистический» город. В этот период власти не видят смысла в сохранении и восстановлении наиболее разрушенных памятников и на государственном уровне поднимают вопрос о снятии с охраны пятнадцати объектов архитектуры, среди которых были ц. Власия, ц. Иоанна на Опоках, ц. Спаса на Нередице, ц. Благовещения на Городище, ц. Николы на Липне, ц. Успения на Волотовом поле и некоторые другие. Тогда же на фоне конфликта по вопросу восстановления сильно разрушенных памятников был уволен руководитель Новгородской специальной научно-реставрационной производственной мастерской С. Н. Давыдов (Ядрышников, 2014. С. 278). В 1951 г. строительные работы по восстановлению Новгорода отошли от плана А. В. Щусева, и началось возведение зданий по проектам местных архитекторов.

В январе 1951 г. на пленуме ИИМК заведующим сектором славяно-русской археологии Н. Н. Ворониным был поднят вопрос о продолжении раскопок в Новгороде. Он отметил, что необходимо завершить исследования Ярославова Дворища и в дальнейшем перенести работы в Неревский конец (Воронин, 1951. С. 26–27). В апреле в связи с инициативой новгородских властей по снятию с государственной охраны пятнадцати памятников архитектуры, ИИМК обратился с официальным представлением в Президиумом АН СССР о принятии мер к обеспечению должной охраны новгородских памятников (Резолюция сессии Отделения истории и философии АН СССР..., 1952. С. 136). В мае 1951 г. в результате еще одной идеологической кампании, «борьбы с космополитизмом», А. В. Арциховский был назначен начальником Московской археологической экспедиции вместо М. Г. Рабиновича, впрочем, подразумевалось, что руководство это будет номинальным.

Летом 1951 г. в связи с обнаружением в ходе земляных работ древней улицы в Неревском конце экспедиция А. В. Арциховского заложила, как тогда думали, последний в Новгороде раскоп. В. Л. Янин об этом позже писал: «Предполагалось, что в Новгороде сделано все, что нужно было сделать...» (Янин, 1977. С. 213). Но Новгородская земля не захотела отпустить археологов: 26 июля была найдена первая берестяная

грамота, масштабы раскопок расширились, в археологии Новгорода начался новый этап (Колчин, Янин, 1982. С. 22).

В декабре 1951 г. после выступления А. В. Арциховского с докладом «Об археологических открытиях Новгородской экспедиции...» Президиум АН СССР постановил: «считать дальнейшее археологическое исследование района Великого Новгорода, в котором были найдены берестяные грамоты ... одной из важнейших задач научно-исследовательской работы ИИМК. В связи с тем, что указанный район ... подлежит застройке в ближайшие годы, включить в план экспедиции ИИМК на 1952 г. археологические работы в Новгороде» (ГАНО. Ф. Р-3540. Оп. 3. Д. 31. Л. 3).

Чтобы предотвратить застройку площади будущих Неревских раскопов, в январе 1952 г. директор ИИМК А. Д. Удальцов обратился с письмом к председателю Новгородисполкома и потребовал от строительных организаций Новгорода руководствоваться действующими в СССР правовыми нормами в области охраны памятников (ГАНО. Ф. Р-3540. Оп. 3. Д. 31. Л. 1). Это обеспечило процесс археологического исследования на Неревском раскопе на двенадцать полевых сезонов.

Как показывают рассмотренные материалы, первый этап археологических исследований в Новгороде (1932–1948) тесно связан с концепцией города-музея, его созданием в 1930-е, и восстановлением в 1940-е гг. Уже на этом этапе раскопки носили не только научный, но и охранительный характер. На рубеже 1940–1950-х гг. смена концепции восстановления Новгорода как города-музея, наряду с идеологическими кампаниями и кадровыми чистками в научных кругах, привели к сворачиванию археологических исследований в Новгороде. Открытие в 1951 г. на Неревском раскопе нового исторического источника – берестяных грамот, придало археологическим исследованиям новый импульс и стало поворотным пунктом в развитии новгородской археологии.

Литература и источники

Альмов С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. С. 7–36.

Арциховский А. В., Каргер М. К. Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 1–2. С. 60–65.

Воронин Н. О восстановлении древнерусских городов // Исторический журнал. 1945. № 3. С. 56–59.

Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. 1951. 41. С. 5–29.

В Церковно-археологическом обществе // Новгородские епархиальные ведомости. 1916. С. 994–995.

Греков Б. Д. Вступительное слово. Сессия отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры за 1947 г. // КСИИМК. 1949. № 26. С. 3–6.

Греков Б. Д. К вопросу о восстановлении Новгорода // Исторический журнал. 1944. № 7–8. С. 51.

Каргер М. К. Об организации города-музея в Новгороде // Сообщения ГАИМК. 1931. Вып. 4–5. С. 52–54.

Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 430 с.

Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 3–137.

Маркина Г. К. Строительство железнодорожной магистрали Петроград – Царское Село – Новгород и борьба за сохранение новгородских памятников старины // Новгородский исторический сборник. Вып. 8 (18): 800-летию Нередицы посвящается. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 331–363.

Медведева М. В. Археологический надзор при строительстве железнодорожной насыпи к югу от Новгорода в 1916–1917 г. Хроника событий. Взгляд со стороны Императорской Археологической Комиссии // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского. Великий Новгород, 22–24 января 2013 г. Великий Новгород, 2013. Вып. 27. С. 342–349.

Моисеев С. В. Музеи Новгородской губернии. XIX – начало XX вв. Великий Новгород: Кириллица, 2012. 299 с.

Отчет Новгородского общества любителей древности за 1927 год. Новгород: Издание О-ва Любителей Древности, 1928. 14 с.

Рабинович М. Г. Записки советского интеллектуала. М.: Новое литературное обозрение: Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства, 2005. 390 с.

Резолюция сессии Отделения истории и философии АН СССР и пленум ИИМК АН СССР, посвященных итогам полевых исследований за 1946–1950 годы // КСИИМК. 1952. 44. С. 133–136.

Ядрышников В. А. «Великий разбег»: Сергей Николаевич Давыдов и новгородская реставрация // Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века: материалы междунар. науч. конф., 4–5 декабря 2014 г. СПб: ИПК «Береста», 2014. С. 266–279.

Ядрышников В. А. Чудо возрождения: История новгородской архитектурной реставрации. СПб.: Крига, 2017. 367 с.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М.: Высш. школа, 1977. 240 с.

Архивные материалы

ГАНО. Ф. Р-3383. Оп. 3. Д. 13. Пояснительная записка к генеральной схеме восстановления города.

ГАНО. Ф. Р-3540. Оп. 3. Д. 31. Переписка с Академией Архитектуры СССР о расширении археологических раскопок по Дмитриевской ул. г. Новгорода.

ОПИ НМЗ. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 22. Смирнов С. М. Воспоминания о времени работы моей в Новгородском музее и периода работы в качестве педагога в разных школах. Годы учения.

ОПИ НМЗ. Ф. Р-12. Оп. 1. Ед. хр. 69. Отчет Каргера М. К. зам. председателя ГАИМК Кипарисову Ф. В. о результатах командировки в

г. Новгород для обследования раскопок, проводимых Новгородским историческим музеем и консультации по вопросам продолжения работ.

ОПИ НМЗ. Ф. Р-12. Оп. 1. Ед. хр. 53. Докладная записка М. К. Каргера по вопросу организации города-музея в Новгороде.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1, 1931 г. Д. 772. План экспедиционных исследований ГАИМК в 1931 г.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932. Д. 87. Организация экспедиций (планы работ).

РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 14. Личное дело Арциховского А. В.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 312. Оп. 1. Д. 847.

СПФ АРАН. Ф. 115. Оп. 3. Д. 126. Документы о работе в комиссии по вопросам о выработке мер к сохранению новгородских древних памятников.

ЦГАВОВУ Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 138. Список вывезенных из Гатчины в Ригу портретов (459 портретов), списки бронзовых и медных колоколов, вывезенных и оставленных в Прибалтике и о вывозе фашистской военной группой Север во Львов 3-х вагонов икон и церковной утвари.

ЦГАВОВУ Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 153. Отчеты о работе особых штабов в Риге «Наука», «Музыка» (Рига, Вильно, Смоленск, Минск), («Народные известия»), переписка о работе бывшего профессора Киевского университета Шумилина пропагандистом антикоминтерновского ин-та в Берлине, работе в Дерптских библиотеках профессора Мартинсона, работе в Риге сотрудников штаба профессора Серафима и Якоба Колоса, о работе профессора Северо-германского института древней истории Пономарева, о работе библиотеки при Рижской консерватории и ее руководителя профессора Витогол (1942), об отправке из Риги в Берлин (Оренбургская 79) советских нот и музыкальных произведений.

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 8. Д. 440. Докладные записки, отчеты, акты бригад и инструкторов о работе музеев в районах области.

ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 8. Д. 438. Доклады и материалы к ним уполномоченного по охране памятников о состоянии памятников и музейных ценностей в районах Ленинградской области.